

Опубликовано 12 октября, 2015 - 14:07

Первое интервью Елены Тимченко — «Огоньку».

Нашу новую рубрику "Семья" журнал открывает встречей с человеком, который никогда прежде не давал интервью. В вездесущем интернете проблема даже с ее фотографиями — сыскать их непросто. Собеседник "Огонька" — Елена Тимченко, жена Геннадия Тимченко, самого непубличного человека из числа тех, кого причисляют к бизнесменам из окружения президента

Мы встретились с Еленой Петровной в офисе семейного благотворительного фонда. Панорама из окон — на всю столицу: тут вам и пробки, и парки, и крохотные лошадки на ипподроме. На столе — зеленый чай. Разговор — "за жизнь".

— Давайте начнем с наболевшего. Более года назад возникли первые санкционные списки, которые для вашей семьи оказались адресными. Как это отразилось на устоявшейся жизни? И вообще, каково это: жить под санкциями?

— О санкциях я узнала, мирно завтракая у себя на кухне. Сразу позвонила мужу. Что сказала? Разумеется, поздравила его с тем, что жизнь прожита не зря. Санкции оказали влияние на бизнес, усложнили какие-то финансовые операции. Даже те, которые с бизнесом не связаны: рикошетом это задевает работу наших благотворительных фондов. Санкции затрудняют совместные путешествия с мужем, а это очень жаль, потому что у нас в Европе, да и вообще по всему миру осталось много друзей. Но нет худа без добра: теперь они приезжают сюда, к нам. И мы показываем им нашу страну — Петербург, провинцию, Валаам, ходим в театры. Все, кто не видел до этого Россию, в восторге, она открывается для них. Они узнают, что наша страна — это не только балет и классическая музыка. И мы сами стали много путешествовать по стране. Побывали на Горном Алтае, оттуда мой отец, он из староверов, так что для меня это вообще особенное место. Были на Байкале, путешествовали по Волге, я влюбилась в Кострому и Плес.

— С изменением маршрутов понятно. Но все же на самом укладе жизни, привычках санкции как-то отразились?

— По большому счету нет. Главная перемена оказалась в том, что муж стал работать больше, чем раньше. Прежде всего это связано с бизнесом. Кроме того, у него существенно прибавилось нагрузки по линии Российско-Китайского делового совета, СКА, КХЛ. Что касается быта: мы же начинали с питерских коммуналок, а это вообще особая среда обитания. Так что нас сложно напугать бытовыми трудностями.

— Ваш переезд в Россию был продиктован санкциями?

— Нет, санкции тут ни при чем. Фактически мы вернулись задолго до этого. Было это лет шесть или семь назад. Девочки окончили учебу и решили переехать жить и работать в России. Им здесь намного интереснее. Старшая специализировалась на английской литературе в Оксфорде, младшая окончила с отличием Эдинбургский университет — философия и

французский язык. Что касается мужа, то значительную часть своего времени он и так проводил здесь — бизнес. А базировались "там", пока сын доучивался в школе. Сейчас он вырос, и мы переехали в Россию.

— А чем занимается сын?

— Он учится на факультете международных отношений — там много как экономики, так и истории, географии, права...

— Будет продолжать семейный бизнес?

— Мы не навязываем ему своего видения его будущего. Говорим: занимайся тем, что тебе интересно. Возможно, это будет и бизнес, способности у него к этому есть.

— Вы сказали, "мы начинали с питерских коммуналок". Это про семейную жизнь, она с этого начиналась?

— Ну да. Познакомились в институте, страшно говорить, где-то 40 лет назад. Мы учились в Военмехе.

— А каким было ваше базовое образование?

— Радиоинженер. Но уже давно не работаю по профессии, лет 25. Когда я училась, телевизоры еще были на лампах. Поэтому можно сказать, что я бывший радиоинженер. Ну вот, мы познакомились студентами и года через три поженились.

— Вы с мужем учились на одном курсе?

— Нет, он постарше. Познакомились мы через друзей, в студенческой компании, как многие тогда. Ходили в театры, гуляли по городу, пели под гитару. Обсуждали книги — про Солженицына много говорили.

— А вы сами ленинградка?

— Я с Северного Кавказа. Приехала в Ленинград учиться в 17 лет, поэтому практически уже ленинградка. Дети мои там родились. И муж тоже приехал в Ленинград — на учебу. У него отец был военный, их семья много переезжала. Сейчас его родители живут в Волгограде.

— А когда вы поняли, что Геннадий Николаевич — ваш человек, что вы должны быть вместе?

— Он был очень популярен в нашей компании. Умный, обаятельный, добрый. Я как-то сразу почувствовала масштаб личности. Посмотрела и подумала: орел! *(Улыбается.)* Но нельзя сказать, что отношения стремительно развивались и мы сразу побежали в загс.

— А в каком месяце вы поженились?

— В сентябре. Совсем недавно отметили 38-ю годовщину.

— Расскажите о той питерской коммуналке, с которой все начиналось.

— Коммуналка была в районе Автово, в Ленинграде. Ну что тут рассказывать? Клопы, запах борща на кухне. Комната была небольшая. Я помню, когда мы принесли старшую дочь из роддома, она у нас спала в чемодане. Так и жили, работали: муж начинал с мастера на заводе.

Двое маленьких детей, очереди в магазины, все как у всех.

— В те времена каким вам виделось бытовое благополучие?

— Тогда мне рисовалась отдельная квартира, машина. "Жигули". Поездка куда-нибудь в Югославию. Машина, кстати, появилась у нас, кажется на 10-м году совместной жизни. Какая-то модель у нас была — пятая? Шестая? Не помню сейчас точно. Тогда машину водил муж.

— Скажите, насколько сегодня широк круг близких вам людей?

— Он достаточно велик. Студенческие друзья наши живут в Петербурге. К сожалению, часто видаться с ними возможности нет. Но наша замечательная компания почти вся сохранилась. Пока мы жили в Питере, каждый праздник устраивали какие-то концерты, выпускали даже стенгазету. Потом, конечно, это все закончилось, когда мы переехали. Сейчас в Москве есть много людей, которых мы любим и с удовольствием с ними встречаемся.

— Часто, когда у людей меняется и образ жизни, и масштаб задач, которые они решают, друзья остаются в прошлом. Что вас сейчас вместе держит?

— Это друзья детства, ты их знаешь как облупленных, они тебя любили, когда ты был еще никем, бедным, и никакие деньги на эти отношения не влияют.

— А вы были бедными?

— Конечно, были моменты, когда у меня за неделю до зарплаты оставалось 5 рублей. Конечно, были, а как вы думали? Что-то начало меняться с 90-х годов, когда муж начал заниматься бизнесом. Можно было уже позволить себе и машину, и путешествия, дом.

— Вы это время вспоминаете, когда вдвоем? Точнее, так: у вас есть сегодня возможность просто побыть вместе?

— К сожалению, такая возможность возникает не так часто, как хотелось бы. Но если у него перерыв между встречами, а я вдруг окажусь дома, то мы стараемся провести это время вместе — говорим обо всем, много смеемся.

— И до сих пор есть о чем разговаривать?

— Конечно. Может быть, потому, что мы оба люди активные, всегда есть чем поделиться. Да, нам всегда есть о чем поговорить.

— Не могу не спросить. Вы сказали, что вместе около 40 лет. Прошли через 90-е, когда браки сыпались как карточные домики. Как удалось сохранить отношения? Вас ведь и дети, которые сейчас уже взрослые люди и строят свои семьи, наверняка об этом спрашивали.

— У каждого свой рецепт. Я всегда старалась принимать мужа целиком и никогда не концентрироваться на мелочах. То есть ты всегда понимаешь: человек такой, как есть. Нет людей без недостатков. Ну разве кроме Геннадия Николаевича, мужа моего (*улыбается*). Мы всегда уважаем личное пространство друг друга. Конечно, бывают и трения, и спорили мы, понятное дело. Но с годами научились шутить над самими собой и нашими недоразумениями. Чувство юмора — это спасительное для отношений чувство: практически все конфликты можно разрешить с его помощью. Разумеется, важно доверие. И уважение к личности. А еще надо чувствовать друг друга в конкретный момент. Иногда мужу хочется выговориться, а иногда и

просто помолчать, хоккей посмотреть.

— Хоккей вы вместе смотрите?

— Иногда вместе. Хоккей — это теперь вообще наша жизнь (*улыбается*). Он при любой возможности и сам играет, конечно. Он вообще очень страстный человек, очень увлекающийся. Если что-то делает, то с полной отдачей.

— Когда разговариваешь с людьми, связанными с большим бизнесом, спрашиваешь: зачем вы работаете? Чтобы расширилось дело, была больше прибыль — отвечают. А зачем больше прибыль? И этот вопрос многих ставит в тупик. На ваш взгляд, какой смысл в умножении денег и оборотов?

— Лично для меня преимущество денег кончилось на определенной сумме. Да, есть свобода перемещений, хорошее медицинское обслуживание, покупка машины, образование детей, но после какой-то цифры деньги становятся тяжелым бременем, большой ответственностью. Геннадий Николаевич — человек очень сильный и талантливый. Его талант лежит в сфере бизнеса, а последствия такого таланта — это в том числе и деньги. Но никогда они не были для него самоцелью. И вообще, что такое богатый человек? Он платит огромные корпоративные налоги. Он дает массу рабочих мест. Он тратит много личных средств на благотворительность, а его компании реализуют корпоративные социальные программы. И это очень важно. Я видела, как он создавал свой бизнес в течение 30 лет, не участвуя в приватизации. Его бизнес абсолютно прозрачный и честный. Я знаю, какой это колоссальный труд, сколько там рисков и какая ответственность на нем лежала и сейчас лежит. Сейчас даже еще БОЛЬШАЯ. Я понимаю, что делать деньги — это очень непросто. Но мы относимся к ним философски. Очень спокойно.

— А жизнь в таком вот, как вы рассказываете, напряжении — она разве не выедаёт человека изнутри?

— Знаете, муж вообще такой парень: крепкий, стрессоустойчивый. Хорошо держит любой удар и не помнит зла. Как говорят китайцы: злиться — это все равно, что выпить яд и ждать, что умрет другой. Он преодолевает неприятности и идет дальше. Поэтому бизнес его не выжиг. Я не могу сказать, что он потерял что-то в человеческом плане, я этого не чувствую.

— А какие черты для вас означают знак качества человека?

— Благородство. Качество, к сожалению, практически исчезающее. Доброта в сочетании с умом. Чем больше я живу в России, тем больше ценю профессионализм и компетентность.

— Цените, потому что здесь этого много или, наоборот, не хватает?

— Не хватает, к сожалению.

— А еще?

— Хорошее воспитание. Глубину. Чувство юмора, конечно.

— Что сейчас читаете?

— Александра Чудакова "Ложится мгла на старые ступени", если не читали, очень рекомендую.

— А как вы выбираете книги?

— Сама, конечно, иногда гости что-то подарят.

— То есть вы относитесь к той исчезающей породе людей, которым дарят книги?

— Да, конечно! Вот недавно подарили чудесную книгу "Клуб любителей книг и пирогов из картофельных очистков", о событиях, которые происходят во время войны, но очень светлую и смешную.

— Вы много путешествовали и наверняка сравнивали "там" и "тут". Ваши открытия?

— Знаете, мы очень обучаемая нация. Только нам бы самоедства поменьше. Если бы мы сами себя так много не ругали и не были так озабочены тем, кто и что про нас думает! Меня как человека, достаточно долго жившего "там", просто убивает, когда некоторые люди начинают рассуждать: "А что про нас подумает Европа, что про нас подумают те и эти?" Это не имеет никакого значения! Главное, чтобы мы сами себя уважали, ценили, понимали, какой мы талантливый народ, с каким великим мы прошлым и будущим.

— А здесь нет противоречия? Если мы так хороши и чужое мнение не в счет, к чему тогда обучаемость? И разве нет общих корней с той же Европой?

— Конечно, культурное пространство у нас общее, мы же все выросли не только на русской, но и на английской, французской литературе, а европейцы — на Достоевском, Чайковском, Рахманинове. Мы никак не можем разорвать эту связь, она всегда будет. Но если на бытовом уровне, то своим европейским друзьям я не могу позвонить в 2 часа ночи и сказать: "Приезжай, ты мне нужен". А здесь могу. То есть там, конечно, этой широты души, самоотверженности меньше. Но опять же сложно обобщать и говорить за всех. Я, например, знаю одного европейского банкира. Посмотришь на него — человек в футляре. Но недавно я узнала, что он в свой отпуск ездит в Лурд и носит там к святому источнику больных парализованных людей. Так что они все разные. Очень многие понимают ситуацию в России, очень многие любят Россию и интересуются ею, приезжают сюда. Но лично мне намного комфортней здесь. В моем языке, в моем культурном пространстве, в моей семье.

— Вы свободно переходите на английский. А какие вообще языки знаете?

— Французский, английский, знала шведский, но забыла.

— А какие существительные для вас лучше всего сочетаются с прилагательным "русский"?

— Милосердие, сострадание, терпение, широта. Мы умеем прощать — как назвать это качество одним словом? Мы же простили Германию за Вторую мировую войну.

— Это плохо или хорошо?

— Я считаю, что это правильно. Мы не можем и не должны предъявлять претензии к нынешнему поколению немцев.

— Что вы — человек с очень большими ресурсами — можете сделать для настоящего и будущего страны?

— Я могу помочь своими благотворительными проектами. Мы не можем заменить собой

государство, но можем эффективно его дополнять. Фонд работает в регионах, там, куда у государства порой не дотягиваются руки. Программы нашего фонда направлены на изменение отношения людей к своей малой родине через поддержку их инициатив и ответственности за жизнь вокруг себя. Здесь главное и самое сложное — показать людям новые возможности, укрепить их веру в собственные силы. Проекты, которые мы создаем, отработываем и потом тиражируем и которыми интересуются и государство, и другие НКО, и эксперты,— это наша помощь стране и государству. Это долгосрочные социальные инвестиции. При этом мы не боимся рисковать, внедрять новые подходы и практики в нашу работу. Например, сейчас в Карелии мы реализуем пилотный для нашей страны проект дистанционной диагностики хронических неинфекционных заболеваний среди пожилых людей. Если его результаты будут признаны успешными, то эта полезная инициатива может выйти на системный уровень и получить продолжение в других регионах.

— Скажите, а кто придумал направления, которыми занимается сейчас фонд?

— Произошло то, что часто случается с семейными фондами, ведь у каждого члена семьи свои интересы и представления о том, что нужно делать. Мы с дочерью Ксенией развиваем культурное направление и программы поддержки старшего поколения. Более 260 инициатив пожилых людей в глубинке уже поддержано в рамках программы "Активное поколение", у 450 пенсионеров в деревнях после операции на катаракте вернулось зрение. Всего за два года существования конкурса "Культурная мозаика малых городов и сел" было поддержано 242 проекта по всей России. Геннадий Николаевич — это, конечно, спорт, за этими проектами он пристально наблюдает. За три года было обучено более 150 детских хоккейных тренеров, около 3 тысяч юных хоккеистов приняли участие в турнирах, организованных нашим фондом, а 25 детских хоккейных команд получили гранты на развитие (экипировка, ремонт и оснащение хоккейных коробок). Его же идея — помощь детям, оказавшимся в сложной жизненной ситуации, сиротам. Начиналось, словом, с этой мечты, а потом уже мы поняли, в какую воду вступили, с какими трудностями столкнулись. Стало ясно, что нужна служба сопровождения и психологическая поддержка детей, обучение кадров, развитие институтов, которые вовлечены в эту проблему. Поэтому при нашей поддержке уже создано 23 службы и 285 приемных родителей и специалистов прошли обучение.

— На какое время вперед вы планируете свои проекты?

— Сейчас уже до 20-го года.

— И что там будет, в 20-м году?

— Наверное, есть люди, которые могут точно сказать, какой они видят Россию через 5, 10 лет. Я бы скорее ответила как великий финский композитор Сибелиус. Когда жена спросила его, в котором часу он собирается вернуться домой после пирушки с друзьями, он сказал: "Дорогая, я композитор, а не предсказатель". Хотя нет, все же скажу: у меня сейчас очень оптимистичный взгляд на будущее России.

— Поделитесь, на чем он основан?

— Почти все наши проекты реализуются в российской глубинке. И мы видим, сколько сильных, инициативных, талантливых людей живет в глубинке. Чудесные люди, инициативные, умные, стойкие. Я просто верю в наш народ. Мы выбирались из таких катаклизмов, а нынешний — не самый страшный. Прорвемся.

— А каков ваш личный горизонт планирования?

— Теперь 2-3 дня, если повезет. Я стала жить сегодняшним днем. Потому что глава нашей семьи — муж. Когда я нужна мужу, я предпочитаю отложить свои личные дела и быть с ним.

— И куда он вас зовет? Самый свежий пример?

— Вот недавно — в Китай. Было неожиданно.

— Если бы сейчас вы стояли бы в начале пути и думали, чем заняться, чему посвятить жизнь, что бы выбрали?

— Я бы, наверное, занялась каким-нибудь малым бизнесом в регионе, например на Горном Алтае. Открыла бы какой-нибудь музей или развивала конный туризм. Это то, что очень греет мне душу. Может быть, гончарные мастерские открыла бы. Но это из области мечты, конечно.

— А вы вообще мечтательница?

— О, нет. Уже нет. Хотя есть, конечно, вещи, о которых я мечтаю. Чтобы дети мои жили достойно и в процветающей стране. Чтобы все они были здоровые, счастливые, нашли свою дорогу в жизни. Если это можно назвать мечтой, то да, это моя мечта.

Автор

Екатерина Данилова

Автор фотографии

Евгений Гурко / Коммерсантъ

Источник

<http://www.kommersant.ru>

Source URL: <http://vspro.info/article/dengi-na-otnosheniya-ne-vliayut-0>